

Максим Горький в Сормовских цехах.

КАК ОСМАТРИВАЕТ ГОРЬКИЙ.

8 августа, около 2 час. дня, прибыл Алексей Максимович в Сормово. Через зеленые сады, около заводских домов, мимо детской спортивной площадки с трапециями, попадаем сразу на заводский двор.

И поражаешься прямо той внимательности и тщательности, с какой осматривает Горький все то, что он видит.

Его внимание одинаково привлекает и сторвавший в нынешнем году деревообделочный цех и даже небольшая кучка железного лома. Цепкий, зоркий глаз художника стремится увидеть и осознать вещи и явления не только как таковые, но и в перспективе, в соотношении их с другими вещами, с другими явлениями.

История железн. обрезков—они целиком теперь используются—идут на переплавку в мартеновские печи. Завалей, брошенного металла, загромождавших ранее двор—теперь нет. Горький удовлетворен:

— Так... Так оно и должно быть.

Озабоченно спрашивает о причине пожара:

— Как это случилось?

И во всех этих мелочах, вопросах видных, что Горький, также как рабочий-сормович, относится к заводу—этому большому организму, наполняющему жизнь гармоничной коллективной труду.

У СТАНКОВ И МАШИН.

Этой весной паровозо-строительный цех «Кр. Сормова» праздновал свой праздник—выпустил 2.500-го паровоза.

Высокая сулужая фигура Горького, загибая между черными массивами чугунных частей, пробирается к ряду строющихся паровозов, на котлах которых поблескивают ряды новых заклепочных головок.

Пневматическая клепка сыплет оглушительные, дробные стукки, на которые круглое железное чрево котла отзывается громким эхом.

— Хоть и механизировали, а труд все-таки еще тяжелый...—замечает Горький.

Весть о приехавшем Горьком быстрее всякого телеграфа распространяется по цеху. Не оставляя работы, все рабочие, подняв головы от станков, приветствуют Горького, когда он проходит мимо них.

— Горький... Алексей Максимович... Наш писатель...

Несется шопот по рядам. Горький—такой знакомый по его произведениям «Мать» и другим, кажется особенно близким для сормовичей. То и дело Горький снимает с головы свою белую кепку для того, чтобы раскланяться с каким-нибудь стариком рабочим, помнящим его еще с 1903 года.

Особенно интересует Горького все новое в производстве—усовершенствование процессов обработки, заграничное оборудование, экономия сырья и т. д. Подолгу простаивает он у заграничных станков, внимательно выслушивает объяснения директора завода о том или ином улучшении—достигании в области производства.

После паровозного—котельный цех, с еще большим грохотом котельной клепки, жаром окальной печи и мощным паровым молотом.

Из котельного—в дизельный.

Опять ряды станков, лес уходящих в верх приводных ремней—здесь в этом цехе изготавливаются средства производства, новые сердца нашей промышленности—двигатели-дизеля.

Внимательно осматривает Алексей Максимович мощный заглаживающийся сборкой гнзонт-двигатель для нефтеналивных шхун «Каспара». Дизельный цех расширяется—увеличивается почти вдвое. Уже почти закончен стройкой новый корпус цеха, состоящий

Наш земляк держит речь перед тысячами сормовичей.

почти целиком из железа и стекла. Масса света, высоко, просторно.

Горький проходит по узким настилам, проложенным по взрытой, пухлой земле. В цехе идут земляные работы, роется котлован для гнзонта-станка крупнейшего в мире. Этот станок будет обделывать крупные части дизелей без перетаски их с места на место.

— Хорошо... Сильно... Здорово...—говорит Горький.

— Без веры в себя, вам бы этого не создать...

ПЕРЕД ЛИЦОМ ТЫСЯЧ.

После короткого отдыха в помещении заводоуправления—Горький появляется на балконе, выходящем на заводский двор. Густой заводский гул—только что оповестил конец 4-часовой смены. В несколько минут весь большой двор завода буквально запружен тысячами рабочих. Человек стоит к человеку.

Появление Горького приветствуется дружным плеском мозолистых рук. После двух кратких слов представителей рабочих, поблагодаривших Горького за его визит к ним, выступает сам Алексей Максимович.

Большая, 15-минутная речь Алексея Максимовича заслушивается с затенным дыханием. Проникновенные, искренние слова некоторых мест из этой речи запоминаются особенно ярко.

— Вами так же, как на Дону, в Баку, да и по всему Союзу ССР—сделано очень много. Вы, однако, до сих пор видите слишком много своих недостатков и недоосознали всю грандиозность того дела, которое вы делаете...

— Вам, сормовичам, более чем кому-либо нужно сильно верить в свои силы... Помните, что вы, несмотря на техническую отсталость, ведете за собой рабочий класс Европы... И если заграничный рабочий привезкая сюда бивает чище одет, чем вы—знайте, что он несчастнее вас во сто крат, ибо на его спине сидит такой козырек, какого у нас, пожалуй, еще не было...

— Перед вами теперь прямой путь к твердой цели... Не сворачивайте с него, работайте; не забывая культурно развиваться—делайте свою, рабочую, высококвалифицированную интеллигенцию. В вашей победе я уверен...

Опять треск рукошлесканий и тысячетоголосое «ура!».

Под «ура» же Алексея Максимовича единогласно избирают почетным членом завкома.